

Н. В. Беленов

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТОПОНИМНАЯ ЛЕКСИКА МОКША-МОРДОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ с. СТАРАЯ БИНАРАДКА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Рассматриваются вопросы анализа географической топонимной лексики, бытующей в среде мокша-мордовского населения села Старая Бинарадка Красноярского р-на Самарской обл. Мокша-мордовская географическая топонимная лексика отличается значительным разнообразием и может существенно различаться даже в говорах соседних населённых пунктов. Показано, что на формирование географического кластера топонимной лексики в говорах мокша-мордовского языка, прежде всего, оказывают влияние следующие факторы: локальные фонетические, морфологические и акцентологические особенности говора; историческое и современное этноязыковое окружение носителей *исследуемого говора*; природно-географические условия окружающей среды территории проживания его носителей. Представлены результаты сопоставительного анализа старобинарадской географической терминологии с географической терминологией ареально близких мокша-мордовских говоров. Особое внимание уделяется бахиловскому говору мокша-мордовского языка, так как из архивных материалов известно, что значительную часть мордовского населения Старой Бинарадки составили переселенцы из села Бахилово на левый берег Волги в первой половине XVIII в. Новизна исследования видится в том, что до настоящего времени географическая топонимная лексика старобинарадского говора мокша-мордовского языка не была введена в научный оборот и не анализировалась в контексте топонимических исследований. Исследование базируется на экспедиционных материалах автора.

Ключевые слова: топонимика, географическая лексика, топонимная лексика, мордва, мокша-мордовский язык, диалект, говор, этнотерриториальная группа, языковые заимствования, архивные источники, Самарское Поволжье; Старая Бинарадка.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-550-558

1. Географическая терминология в системе топонимной лексики

Для структурного анализа и корректной этимологизации топонимической номенклатуры, бытующей в том или ином говоре, необходимо иметь представление о топонимной лексике данного говора. Под топонимной лексикой мы, вслед за Г. М. Кертом [Керт 2009], понимаем широкий лексический пласт, включающий в себя несколько кластеров: географическую терминологию, сравнительно-сопоставительную и пространственно-ориентационную лексику, сельскохозяйственную терминологию, флористическую и фаунистическую лексику, колоративную лексику. Основным классифицирующим признаком в данном случае является топогенетичность лексики – то есть участие лексем из перечисленных выше кластеров в топогенезе.

В данном контексте географическая терминология – это одна из важнейших составляющих топонимной лексики. При этом отметим, что не вся географическая терминология, бытующая в том или ином языке, диалекте или говоре, входит в состав его топонимной лексики. Так, например, широко бытующий в русском языке термин «поток» применительно к текущей воде в топогенезе практически не участвует, что не позволяет отнести данный географический термин русского языка к разряду его топонимной лексики.

Отметим также, что в различных этноязыковых средах состав топонимной лексики может существенно меняться, исходя из природно-географического окружения её носителей, особенностей преобладающего у них хозяйственного типа, различных психолингвистических факторов и др. Однако перечисленные выше лексические кластеры, как показывает практика топонимических исследований, неизменно входят в состав топонимной лексики, по меньшей мере, в славянских, финно-угорских и тюркских этноязыковых средах.

2. История носителей старобинарадского говора мокша-мордовского языка

Дата основания Старой Бинарадки неизвестна. Впервые сведения о ней появляются в материалах второй ревизии, где значится Ревизская сказка по Старой Бинарадке 1747 года [РГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 3351]. На 1747 г. дер. «Бинаратка» описывается как существующая, однако для большинства её жителей указываются прежние места жительства, где они числились по предшествовавшей ревизии (первая ревизия проходила в 1719–1727 гг.). Вместе с тем, в материалах третьей ревизии 1762 г., в которой впервые упоминается Новая Бинарадка, отмечается, что данное село уже существовало в 1747 г. [РГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 3353]. По-видимому, нынешние Старая и Новая Бинарадки были основаны почти одновременно, причём при их заселении не прослеживается классической схемы, при которой выселенцы из патронального села основывают выселок и называют его прежним именем с добавлением эпитета «новый». Преемственность населения в указанных сёлах восходит скорее к общности мордовских выходцев с Самарской Луки, составивших большинство мордовского населения в указанных селениях, а число жителей, переселившихся непосредственно из Старой Бинарадки в Новую, было относительно незначительным, что подтверждается и историческими преданиями старобинарадской мордвы (ЭМА, Самарская обл., Красноярский р-он, Старая Бинарадка, 2019).

Как явствует из материалов Ревизской сказки по Старой Бинарадке, наиболее представительную часть её населения составили переселенцы из мокша-мордовского села Бахилово на Самарской Луке (122 из 258 переписанных жителей села). Существенную долю переселенцев также составила мордва села Ширяево, (о мордовской составляющей в населении которого в краеведческой литературе), как правило, не упоминается – [Емельянов 1955; Шепелев 2010]; также – Шелехмети ряда исчезнувших мордовских селений Самарской Луки, некоторые из которых в ряде документов упоминаются как чувашско-мордовские [Смирнов 1995, 36]; Борковка, Туйбахтино (чувашское *Туйпахтуй*, мокшанское *Тобахтина*), Ширяевские Вершины.

Уточняющую информацию по интересующему нас вопросу можно извлечь из трудов выдающегося исследователя мордвы А. А. Гераклитова, в своих работах широко использовавшего архивные документы, в т. ч. ныне утраченные. Так, учёный отмечает, что в 1690 г. бахиловская мордва оспаривала права на покосы Волжского Левобережья, у Большого Бора (ныне его остатки – сосновый лес в устье Сока, простирающийся далее к северу, в том числе, в окрестности Старой Бинарадки), которые считала своими, специально указывая на отсутствие в этой части постоянных поселений [Гераклитов 1932, 12]. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в 1690 г. Бинарадка ещё не существовала, а данные земли входили в область хозяйственного освоения бахиловской мордвы, что, надо полагать, и обусловило впоследствии преобладание именно выходцев из Бахилово в составе бинарадских первопоселенцев.

Итак, в нашем распоряжении имеются три даты: 1690 г. – деревня Бинарадка определённо не существует, как и вообще постоянные поселения в данной местности; период с 1719 по 1727 годы – время первой ревизии, согласно данным которой большинство жителей деревни, упомянутые во второй ревизии, числились в других населённых пунктах; 1747 год – деревня Бинарадка, как существующий населённый пункт, упомянута в материалах второй ревизии.

3. Характеристика особенностей старобинарадского говора мокша-мордовского языка

Носители старобинарадского говора мокша-мордовского языка сами так охарактеризовали нам свой язык: «Язык у нас здесь смешанный. Причём, таким – смешанным – он был изначально, как появилось село» (ЭМА). По-видимому, в данном случае сказалась историческая память о формировании мордовского населения села из трёх компонентов: мокша-мордовских переселенцев с Самарской Луки, пензенской и симбирской мордвы (без указания языковой принадлежности последней в ревизских сказках). Вместе с тем, при сборе лексического материала, обращало на себя внимание то, что при встрече незнакомой им лексемы наши информаторы отмечали: «Не знаем, нет у нас такого слова. Это эрзянское, наверное...» (ЭМА). Согласно нашим исследованиям, корпус эрзянизмов в старобинарадском говоре мокша-мордовского языка в целом незначителен, а все они находят убедительные параллели в самаролукских мокша-мордовских говорах, к которым, вероятно, и восходят [Беленов 2018].

По сравнению с мокша-мордовскими говорами Самарской Луки, старобинарадский говор ближе к литературно-письменному мокша-мордовскому языку [Keresztes 1985] и, кроме того, значительно отличается от бахиловского говора, с которым сближается лишь по ряду общих специфических лексем.

К основным характеристикам старобинарадского говора мокша-мордовского языка можно отнести:

– переход аффикса определённости от формы *-сь* к форме *-са*. Таким образом, различие его с формой местного падежа мокша-мордовского языка идёт только по контексту предложения;

– его акцентология, за рядом исключений, соответствует акцентологии литературно-письменного мокша-мордовского языка [Itkonen 1946]. Кроме того, информаторы сообщали, что при общении с кулаткинской мордвой (с. Старая Кулатка Старокулаткинского р-на Ульяновской обл.), длительное время проживающей в татарском окружении, вследствие чего ударение в старокулаткинском говоре сместилось на последний слог, они с трудом понимали даже знакомые слова (ЭМА);

– говоря о фонетической составляющей характеристики старобинарадского говора, надо отметить, что в нём в полной мере сохраняется система глухих сонорных – одной из отличительных черт мокша-мордовского литературно-письменного языка. Характерные для всех самаролукских мокша-мордовских говоров переходы гласных [a/ä] в [e/æ] и [e/æ] в [i] в старобинарадском говоре отсутствуют.

4. Географическая топонимная лексика старобинарадской мордвы

Рассмотрим последовательно географические топонимные лексемы, бытующие в старобинарадском говоре мокша-мордовского языка. Все нижеследующие термины зафиксированы нами в ходе полевых исследований мокша-мордовского говора села Старая Бинарадка, осуществлённых в 2019 г.

Байрак. Термин явно привнесён в старобинарадский говор с Самарской Луки, где он имеет повсеместное распространение среди мордовского и русского населения. В говорах мокша-мордовского языка на Самарской Луке он отличается рядом вариаций: в торновском говоре – *баряк*; в шелехметском – *байарак*; в бахиловском – *байрак* (ЭМА, Самарская обл., Волжский и Ставропольский р-ны, Бахилово, Торновое, Шелехметь, 2018). В говорах мокша-мордовского населения исчезнувших ныне населённых пунктов Самарской Луки данный термин, по всей вероятности, также присутствовал. В говорах русского населения Самарской Луки в настоящее время термин имеет форму *барак*, однако исторические картографические источники фиксируют для кон. XVII в. форму *баярак* [РГАДА, ф. 383, оп. 1, д. 144]. Таким образом, неясно, был ли данный термин заимствован в мокша-мордовские говоры Самарской Луки от русского населения или же напрямую из какого-то тюркского кыпчакского языка [Raasonen 1903; Vasmer 1958, 303].

Бекет. Данным термином в старобинарадском говоре обозначается ‘одинокое стоящий дом в лесу’, ‘дом, в котором живёт лесник’; в редких случаях – ‘отдельно стоящий большой дом’. О происхождении термина информаторы сведений не имели, вспоминали лишь, что он как-то связан с лесничеством (ЭМА). По нашему мнению, данный термин восходит к русскому *пикет* и связан с опорными пунктами лесной стражи в окрестностях Бинарадки. Для населения, расположенного на территории соснового бора села, хозяйственная деятельность которого всегда была тесно связано с лесом, данные объекты имели важное значение, что, вероятно, и привело к появлению в старобинарадском говоре данного термина.

Винарад. Термин для обозначения рек и ручьёв в старобинарадском говоре мокша-мордовского языка, в других мордовских говорах аналогов не имеет. По сведениям, полученным от информаторов, первоначально *Винарадом* называли реку, на берегу которой было основано поселение, а впоследствии данное название перешло к селу, в русской передаче превратившись в *Бинарадку*. Гипотезу, встречающуюся в ряде топонимических и краеведческих исследований, о том, что село названо по имени его основателя – мордвина Бенарада [Барашков 1996, 64] – наши информаторы называли «книжной» и «не имеющей отношения к селу» (ЭМА). Попутно отметим, что в ревизских сказках по Старой и Новой Бинарадкам личное имя *Бенарад* не фиксируется ни разу, что также ставит под сомнение гипотезу об отантропонимном происхождении названия села. Сам термин *винарад* представляет исключительный интерес. При отсутствии идентичных параллелей в иных мордовских говорах, можно, однако, попытаться соотнести его с архаичным названием Волги, сохранившемся только у мордвы (на территории Самарского Поволжья: у мокшан в форме *Рау*, у эрзян в форме *Рава*), а также с рядом гидронимических мордовских терминов, отмеченных для ряда говоров, содержащих подобную основу. В настоящее время название *Рау* для Волги у старобинарадцев уже не употребляется, однако, учитывая его повсеместное распространение у самаролукской мордвы [Беленов 2018 а], надо полагать, что вытеснено оно русским вариантом *Волга* было сравнительно недавно.

Сведения о бытовании термина *рау* и его вариаций как имени нарицательного противоречивы. На территории Самарского Поволжья нами данные термины в мордовских говорах не обнаружены. Интересно замечание М. С. Полубоярова о том, что у пензенской мордвы до недавнего времени бытовала лексема *раптя* со значением 'река' [Полубояров 2016, 233].

В связи с этим, с известной долей риска, предложим следующую схему членения термина *ви-нарад*: *ведь* + *нярь* + *рау*.

Термином *ведь*, согласно наиболее раннему мордовскому лексикографическому источнику – «Списку мордовских слов» в работе Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария», материалы которого восходят ко вт. пол. XVII в., у мордвы обозначалась не только 'вода', но и 'река' [Witsen 1692]. В мокша-мордовских говорах Самарской Луки, в соответствии с их фонетическими особенностями, термин бытует в форме *видь*, в старобинарадском говоре, как и в литературно-письменном мокша-мордовском языке, – *ведь*.

В старобинарадском говоре мокша-мордовского языка термин *нярь* означает *мыс*, *выступ*, что находит соответствия в абсолютном большинстве мокшанских говоров. Есть, однако, факты, позволяющие предполагать, что в недалёком прошлом спектр смысловых значений рассматриваемого термина мог быть значительно шире. Так, в саамском языке термин *нярьк* имеет значения 'мыс, заливной луг', помимо этого имеются также лексемы: *njuorr* – 'пролив' и *njoara* – 'водопад' [Керт 2009, 155]. Хотя ряд исследователей и относят данные термины в саамском языке к заимствованиям из неизвестного языка [Lehtiranta 1989, 59], многочисленные параллели в других финно-угорских языках делают такие предположения маловероятными [Lehtisalo 1936; Redei 1988]. Термин *нярь/нерь* в мордовских языках Д. В. Цыганкин, вслед за В. А. Никоновым, связывает с марийским *энгер* в значении 'река' и относит бытование обеих этих лексем с гидронимной семантикой к «прамордовско-марийской эпохе» [Цыганкин 1976].

Таким образом, для нашей гипотетической реконструкции вырисовывается следующая смысловая схема: *ведь* – *вода* (возможно, на том этапе развития географической лексики, который переживал старобинарадский говор мокша-мордовского языка в период генезиса данной лексемы, для термина *нярь* уже требовалось уточняющее слово, указывающее, что в данном случае он используется именно в гидронимном значении – этим словом и могло быть *ведь*) + *нярь* (в своём гидронимном значении) + *рау* (в значении *река*).

Куре. В старобинарадском говоре мокша-мордовского языка данным термином обозначается 'село, деревня'. Литературно-письменный мокша-мордовский термин *веле* здесь также известен, об их соотношении информаторы говорят так: «Куре всё-таки несколько меньше, чем веле. Веле – большое село, а куре – это поменьше, маленькое» (ЭМА, Самарская обл., Красноярский р-он, село Старая Бинарадка, 2019). Данный термин достаточно широко распространён в мордовской ойконимии, и мокшанской, и эрзянской. Относительно его происхождения у исследователей различные точки зрения [Цыганкин 2005; Raasonen 1903], однако, как представляется, по меньшей мере, часть вариаций рассматриваемой лексемы восходит к реконструируемому В. И. Лыткиным общепермскому **kur/kër* с общим значением собирательности [Лыткин, Гуляев 1970]. В ойконимию, надо полагать, данный термин перешёл вследствие особенности застройки мордовских селений, для которых вплоть до вт. пол. XIX в. была характерна не уличная, а гнездовая застройка [Романова 2011, 110]. Эти родовые гнёзда, формируемые, прежде всего, по родственному признаку, изначально и обозначались термином *кура*, который впоследствии, при изменении типа застройки, распространился на улицы [Инжеватов 1987, 117]. Интерес к данному термину в старобинарадском говоре связан также с тем фактом, что в бахилловском говоре термином *кура/курай* обозначаются озёра и пруды (ЭМА, Самарская обл., Ставропольский р-он, Бахилово, 2018). Семантическая трансформация там могла произойти и вследствие того, что пруды в окрестностях Бахилово, как правило, располагаются в конце улиц села; и потому, что топонимическая основа *кур* имеет в различных финно-угорских языках и гидронимическое значение [Матвеев 2001, 197; Кабинина 2004, 4], гидронимы, содержащие данную основу – преимущественно, *лимнонимы* – распространены и в ареале расселения носителей мордовских языков [Рахконен 2012; Альквист 2000]. Наличие данного термина в старобинарадском говоре с урбанимическим значением указывает на то, что, по всей вероятности, в бахилловском говоре мокша-мордовского языка произошёл семантический сдвиг в значении термина *кура* с урбанимического на гидронимическое. Пример подобного локального семантического перехода приведён И. К. Инжеватовым для ряда мокша-мордовских говоров Ковылкинского р-она Республики Мордовия, в которых имеется термин *курыне* со значением 'рощица, лесок' [Инжеватов 1987, 118]. Можно указать пример

подобного перехода и на территории Самарского Поволжья, только в чувашской этноязыковой среде: в селе Среднее Аверкино одна из запруд на р. Чекале носит название *Жоба косы*, в дословном переводе информаторов: ‘Лягушачий пруд’, где лексема *косы* означает ‘выселок, часть деревни’ (литературно-письменная чувашская форма – *кассы*). Поясняя перевод, информаторы сообщали нам: «Пруд так назван, потому что там несколько домов вблизи него, в отдалении от остальных стоят» (ЭМА, Самарская обл., Похвистневский р-н, село Среднее Аверкино, 2019).

Лифтима. В старобинарадском говоре мокша-мордовского языка данная лексема имеет значение ‘колодец’. Термин в указанном значении зафиксирован нами на Самарской Луке лишь в одном говоре – торновском, где в его основе лежит мокша-мордовский глагол *лифтемс* – ‘вытаскивать, выводить’, с добавлением мордовского аффикса существительного *ма* [Беленов 2018b, 8]. Согласно ревизским сказкам, переселенцев из Торнового в Старой Бинарадке, по крайней мере до 1747 г., не было. У шелехметской мордвы, некоторая доля которой среди переселенцев в Бинарадку зафиксирована, колодец называется иначе – *анксема* [Беленов 2018 а]. Как мы полагаем, термин *лифтима* мог быть распространён в мокша-мордовских говорах ныне исчезнувших на Самарской Луке селений, переселенцы из которых в Бинарадку также фиксируются ревизской сказкой. Прежде всего, речь может идти о борковском говоре, который ареально был ближе остальных мокшанских говоров Самарской Луки к торновскому.

Лотка. Широко распространённый мокша-мордовский термин, применяемый для обозначения оврагов и долин. В старобинарадском говоре он бытует только в значении ‘долина’, тогда как ‘овраг’ здесь называется иначе: *байрак* (привнесено носителями самаролукских говоров мокша-мордовского языка); *яр* – по-видимому, заимствовано уже у русского населения, хотя и прямое заимствование из тюркских языков исключать нельзя; и, собственно – *овраг*.

Панда. Термин для обозначения гор и возвышенностей в мокша-мордовском языке, в старобинарадском говоре известен, бытует в устойчивом сочетании *Панда пре*, что дословно на русский язык переводится как *Горная вершина*. В топонимической номенклатуре окрестностей Старой Бинарадки термин нами не засвидетельствован – вероятно, вследствие природно-географических условий, обуславливающих отсутствие здесь заметных возвышенностей.

Просек. Термин для обозначения в старобинарадском говоре мокша-мордовского языка: и лесных дорог, и дорог вообще. Как представляется, термин бытует в рассматриваемых районах Волжского Левобережья с момента его освоения русскими и мордвой – вероятно, ввиду того, что данные территории были заняты густыми лесами, в к. XVII столетия носившими название *Большой Бор* [Герасимов 1932, 11]. В Октябрьском р-оне Самары термин *просека* закрепился для обозначения ряда приволжских улиц, в недавнем прошлом бывших, по преимуществу, дачными. В старобинарадском говоре термин является заимствованием из русского языка. Переход ударения со второго на первый слог мог произойти ещё в русской среде [Vasmer 1958].

Эрьхке. Мокша-мордовский термин для обозначения озёр и прудов. Согласно нашим полевым исследованиям, является наиболее надёжным мордовским топонимическим маркером, поскольку встречается во всех без исключения мокша-мордовских и эрзя-мордовских говорах Самарского Поволжья, наряду с термином *панда* для обозначения гор и возвышенностей. В старобинарадском говоре термин известен и активно употребляется в разговорной речи, при этом в топонимии отмечен лишь единожды – в лимнониме *Эрьхкяса*, применительно к небольшому пруду с песчаным дном.

Яр. Один из терминов для обозначения оврагов в старобинарадском говоре мокша-мордовского языка, употребляется здесь применительно к оврагам с крутыми, обрывистыми склонами. По нашему мнению, этот тюркский географический термин (сравните: татарское *яр* со значением ‘берег’) был заимствован мордвой у русского населения, в среде которого он давно и прочно бытует, правда, преимущественно в значении ‘крутой берег реки’ (сравните название районного центра, к которому относится Старая Бинарадка: *Красный Яр*). В мокша-мордовских говорах самаролукской мордвы данный термин нами не отмечен.

5. Заключение

Проведённый анализ топонимной географической лексики старобинарадского говора мокша-мордовского языка позволяет сделать следующие выводы:

1. Значительную часть лексем рассматриваемого кластера составляют заимствования из самаролукских мокша-мордовских говоров, что исторически объяснимо, поскольку именно мордовские переселенцы с Самарской Луки составили костяк мордовского населения Старой Бинарадки.

2. Обращает на себя внимание отсутствие в старобинарадском говоре общемордовского географического термина *ляй/лей*, который зафиксирован нами в топонимическом пространстве села Бахилово на Самарской Луке, а также был известен на территориях Пензенской и Симбирской губерний, откуда прибыла часть мордовского населения Старой Бинарадки. Данный факт является дополнительным аргументом в пользу отказа от рассмотрения топоформанта *ляй/лей* как основного и архаичного мордовского топонимического маркера – по меньшей мере, на территории Самарского Поволжья.

3. Термин *винарад* в значении *ручей, река*, распространённый только в старобинарадском говоре мокша-мордовского языка, безусловно, заслуживает пристального внимания исследователей мордовской топонимии. Предложенная в статье гипотетическая версия его этимологии – лишь первый шаг в данном направлении.

4. Термин *байрак*, бытующий в старобинарадском говоре мокша-мордовского языка для обозначения оврагов, почти не встречается в составе географических названий в окрестностях села. Здесь чаще фиксируются заимствованные термины *овраг* и *яр*, сравните: *Бинарадский овраг*, *Орёлонь овраг*, *Турбаний яр*. Подобная нетопогенетичность географических терминов, согласно нашим полевым исследованиям, нередко встречается как в мокша-мордовских, так и в эрзя-мордовских говорах Самарского Поволжья.

5. Существенная часть топонимной географической лексики, бытующей у мордовского населения Старой Бинарадки, находит параллели в литературно-письменном мокша-мордовском языке, а также в большинстве мокшанских диалектов. При этом данные лексемы не фиксируются в мокша-мордовских говорах Самарской Луки. В таком случае логично полагать, что эти термины были привнесены в старобинарадский говор мордовскими переселенцами с территорий Пензенской и Симбирской губер., которые фиксируются в ревизских сказках пер. пол. XVIII столетия.

6. Материалы старобинарадского говора представляют значительную лингвистическую ценность для исследования мокша-мордовских говоров Самарской Луки, в т. ч. говоров, исчезнувших за последние 300 лет мордовских селений: Борковки, Тайбухтино, Ширяевских Вершин.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

РГАДА – Российский Государственный Архив Древних Актов, Ревизская сказка по Старой Бинарадке 1747 года Ф350_Оп2_Ч2_Д3351

РГАДА – Российский Государственный Архив Древних Актов, Ревизская сказка по Новой Бинарадке 1762 года Ф350_Оп2_Ч2_Д3353

РГАДА – Российский Государственный Архив Древних Актов, Чертёж Печёрской слободы 1684 года Ф383_Оп1_Д144

ЭМА – экспедиционные материалы автора

ЛИТЕРАТУРА

Альквист А. Меряне, не меряне... // Вопросы языкознания. 2000. № 2. С. 15–34.

Барашков В. Ф., Дубман Э. Л., Смирнов Ю. Н. Самарская топонимика. Самара: СамГУ, 1996. 192 с.

Беленов Н. В. Географическая лексика торновского говора мокша-мордовского языка // Финно-угорский мир. 2018а. № 4. С. 6–13

Беленов Н. В. Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки. Самара: Порто-принт, 2018. 200 с.

Беленов Н. В. Эрзянизмы мокшанских говоров Самарской Луки в этноисторическом контексте // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2018. № 2. С. 120–124.

Герасимов А. А. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы // Журнал Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького. Саратов, 1932. С. 2–12.

Емельянов М. А. Самарская Лука и Жигули. Куйбышев: Книжное изд-во, 1955. 292 с.

Инжеватов И. К. Топонимический словарь Мордовской АССР: Названия населённых пунктов. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1987. 264 с.

Кабинина Н. В. Субстратные гидронимы на -курья в дельте Северной Двины // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. Вып. 5. С. 3–10.

Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 179 с.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера Ч. 1. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 346 с.

Мосин М. В. Финно-угорская лексика в мордовских и прибалтийско-финских языках (Семантический анализ). Саранск: Морд. гос. ун., 1985. 86 с.

Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Наука, 1966. 509 с.

Полубояров М. С. Весь Пензенский край. М.: САМ полиграфист, 2016. 813 с.

Преображенский П. А. Поездка по Волге: Самара – Царевщина – Ширяево. – Самара: Высшие курсы краеведения при СамГУ, 1926. 32 с.

- Рахконен П. Границы распространения мерянско-муромских и древнемордовских гидронимов в верховьях Волги и бассейне Оки // Вопросы ономастики. 2012. №1. С. 5–42
- Романова М. Н., Щанкина Л. Н. Поселения мордвы // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. 2011. №19. С. 106–114.
- Смирнов Ю. Н., Дубман Э. Л. Самарская Лука в XVI – начале XX вв. Самара: СамГУ, 1995. 200 с.
- Феоктистов А. П. Диалекты мордовских языков // Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1990. Bd.1. S. LX–LXXXV.
- Цыганкин Д. В. Мордовская архаическая лексика в топонимии Мордовской АССР // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976. С. 54–59.
- Цыганкин Д. В. Память, запечатлённая в слове. Саранск: Красный Октябрь, 2005. 432 с.
- Цыганкин Д. В. Ойконимия мордовского Заволжья // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. Вып. 3. С. 9–15.
- Шепелев А. Самарская Лука. Самара: Агни, 2008. 80 с.
- Itkonen E. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1946. Bd. 29. S. 222–337
- Keresztes L. Kriterien zur Klassifizierung der Dialekte des Mordvinischen. Dialectologia Uralica. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 20. Wiesbaden 1985. S. 173-185
- Lehtiranta Yu. Yhteissaamelainen sanasto. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. Mémoires de la société Finno-Ougrienne 200. Helsinki, 1989.
- Lehtisalo T. Über die primären uralischen Ableitungssuffixe. Helsinki, 1936. 399 s.
- Paasonen X. Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen. Helsingfors, 1897. 64 s.
- Paasonen X. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors: Akademische Abhandlung, 1903. 99 s.
- Paasonen X. Mordwinisches Wörterbuch. T. 1–3. Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft, 1990–1995.
- Redei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Kallista. 1–7. Budapest: Akademiai Kiado, 1980–1988. 906 p.
- Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Universitätsverlag Carl Winter, 1958. 2890 s.
- Witsen N. Noord en oost Tartarye. Amsterdam, 1962. 660 s.

Поступила в редакцию 20.09.2019

Беленов Николай Валерьевич,

кандидат педагогических наук, докторант,
ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»,
443099, Россия г. Самара, ул. Максима Горького, д. 65/67
E-mail: belenov82@gmail.com

N. V. Belenov

GEOGRAPHICAL TOPONYMIC LEXICON OF THE MOKSHA-MORDOVIAN POPULATION OF STARAYA BINARADKA VILLAGE, SAMARA REGION

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-550-558

The article deals with the analysis of the geographical toponymic lexicon existing among the Moksha-Mordovian population of the village of Staraya Binaradka in the Krasnoyarsk district of the Samara region. The Moksha-Mordovia geographical toponymic lexicon is characterized by a significant variety even in the dialects of neighboring settlements. It is shown that the formation of a geographical cluster of toponymic vocabulary in the dialects of the Moksha-Mordovian language is primarily influenced by the following factors: local phonetic, morphological and accentual features of the dialect; the historical and modern ethno-linguistic environment of the carriers of the studied dialect; natural and geographical conditions of the environment of the territory of residence of the carriers of the studied dialect. The article presents the results of a comparative analysis of the starobinaradsky geographical terminology area close to the Moksha-Mordvin dialects. Special attention is paid to the bakhilovsky dialect of the Moksha-Mordovian language, as it is known from archival materials that a significant part of the Mordovian population of the Staraya Binaradka was made up of immigrants from the village of Bakhilovo on the left Bank of the Volga river in the first half of the 18th century. The novelty of the research consists in the fact that up to the present time, the geographical toponymy vocabulary of the starobinskoe dialect of the Moksha-Mordvin language has not been introduced into the scientific circulation and has not been analyzed in the context of toponymic research. The study is based on field materials of the author.

Keywords: toponymy, geographical lexicon, toponimia lexicon, Mordva, Moksha-Mordvin language, dialect, patois, ethno-territorial group, linguistic borrowing, archival sources, Samara Volga region, Staraya Binaradka.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 4, pp. 550–558. In Russian.

REFERENCES

- Al'kvist A.** Meriane, ne meriane.. [Merens, not Merens..]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2000. №2. pp. 15–34. In Russian.
- Barashkov V. F.** Samarskaya toponimika [Toponymy of the Samara region]. V. F. Barashkov, E. L. Dubman, Ju. N. Smirnov. Samara: SamGU, 1996. 192 p. In Russian.
- Belenov N. V.** Geograficheskaya leksika tornovskogo govora moksha-mordovskogo yazyka [Geographical lexicon of the tornovsky dialect of the Moksha-Mordovian language]. *Finno-ugorskii mir*. 2018 a. № 4. pp. 6–13. In Russian.
- Belenov N. V.** Moksha-mordovskaya toponimiya Samarskoï Luki [Moksha-Mordovian toponymy of Samara Bend]. – Samara: Porto-print. 2018 b. 200 p. In Russian.
- Belenov N. V.** Erzyanizmy mokshanskih govorov Samarskoï Luki v etnoistoricheskom kontekste [Erzja-Mordovian lexemes of the Moksha-Mordovian dialects of Samara Bend: ethno-historical context]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya*. 2018 c. №2. pp. 120–124. In Russian.
- Geraklitov A. A.** Rol' Saratova i Samary XVII v. v zhizni mordvy [The role of Saratov and Samara in the 17th centuries of Mordovian history]. *Zhurnal Nizhne-Volzhskogo instituta kraevedeniya im. M. Gor'kogo*. Saratov. 1932. pp. 2–12. In Russian.
- Emel'yanov M. A.** Samarskaya Luka i Zhiguli [The Samara Bend and Zhiguly mountains]. Kuibyshev: Knizhnoe izd-vo. 1955. 292 p. In Russian.
- Inzhevator I. K.** Toponimicheskii slovar' Mordovskoi ASSR: Nazvaniya naselionnykh punktov [Toponymy vocabulary of Mordovian ASSR: oikonymy]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1987. 264 p. In Russian.
- Kabinina N. V.** Substratnye gidronimy na –kur'ia v del'te Severnoi Dviny [Substrate hydronymy containing formant “kuria” in the delta of Northern Dvina]. *Onomastika i dialektnaya leksika*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2004. Vyp.5. pp. 3–10. In Russian.
- Kert G. M.** Saamskaya toponimnaia leksika [Saami toponymy lexicon]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN. 2009. 179 p. In Russian.
- Lytkin V. I., Gulyaev E. S.** Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka [Concise etymology dictionary of the Komi language]. M.: Nauka. 1970. 386 p. In Russian.
- Matveev A. K.** Substratnaya toponimiya Russkogo Severa Ch.1. [Substrate toponymy of the Russian North]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 2001. 346 p. In Russian.
- Mosin M. V.** Finno-ugorskaya leksika v mordovskikh i pribaltijsko-finskih yazykakh (Semanticheskii analiz) [Finno-Ugric lexicon in the Mordovian and Baltic-Finnic languages]. Saransk: Mord. gos. un., 1985. 86 p. In Russian.
- Nikonov V. A.** Kratkii toponimicheskii slovar' [Concise toponymy dictionary]. M.: Nauka. 1966. 509 p. In Russian.
- Polubojarov M. S.** Ves' Penzenskii kraj [All Penza region]. M.: SAM poligrafist. 2016. 813 p. In Russian.
- Preobrazhenskii P. A.** Poezdka po Volge: Samara – Carevshhina – Shiriyaevo [Travel on the Volga: Samara – Carevshhina – Shiriyaevo]. Samara: Vysshie kursy kraevedeniya pri SamGU. 1926. 32 p. In Russian.
- Rahkonen P.** Granitsy rasprostraneniya meryansko-muromskikh i drevnemordovskikh gidronimov v verhov'yakh Volgi i basseine Oki [Confines of distribution of the Merja-Muroman and ancient Mordovian hydronyms in the upper of Volga and Oka river basin]. *Voprosy onomastiki*. 2012. №1. pp. 5–42. In Russian.
- Romanova M. N., Shchankina L. N.** Poseleniya mordvy [Mordovian settlements]. *Nauchnye vedomosti BelGU*. 2011. №19. pp. 106–114. In Russian.
- Smirnov Yu. N., Dubman E. L.** Samarskaya Luka v XVI – nachale XX vv [Samara Bend in the 16th – early 20th centuries]. Samara: SamGU. 1995. 200 p. In Russian.
- Tsygankin A. P.** Dialekty mordovskikh jazykov [Dialects of the Mordovian languages]. *Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki. 1990. Bd. I. – S. LX–LXXXV. In Russian.
- Tsygankin D. V.** Mordovskaya arhaicheskaya leksika v toponimii Mordovskoi ASSR [Mordovian ancient lexicon in the toponymy of the Mordovian ASSR]. *Onomastika Povolzh'ya*. Saransk, 1976. pp. 54–59. In Russian.
- Tsygankin D. V.** Pamyat', zapechatlennaya v slove [Memory imprinted in the Word] Saransk: Respublikanskaya tipografiya Krasnyi Oktyabr'. 2005. 432 p. In Russian.
- Tsigankin D. V.** Oikonymy of the Mordovian Transvolga Region (Zavolzh'ye). *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2010, issue 3, pp. 9–15. In Russian.
- Shepelev A.** Samarskaya Luka [Samara Bend]. Samara: Agni, 2008. 80 p. In Russian.
- Itkonen E.** Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen. *FUF* 29, 1946, 222– 337. In German.
- Keresztes L.** Kriterien zur Klassifizierung der Dialekte des Mordwinischen. *Dialectologia Uralica*. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd.20. Wiesbaden 1985. S. 173–185. In German.
- Lehtiranta J.** Yhteissaamelainen sanasto. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. Mémoires de la société Finno-Ougrienne 200. Helsinki, 1989. In Finnish
- Lehtisalo T.** Über die primären uralischen Ableitungssuffixe. Helsinki, 1936. 399 s. In German.
- Paasonen X.** Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen. Helsingfors, 1897. 64 s. In German.
- Paasonen X.** Mordwinische Lautlehre. Helsingfors: Akademische Abhandlung, 1903. 99 s. In German.

Paasonen X. Mordwinisches Wörterbuch. T. 1–3 / X. Paasonen. Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft, 1990–1995. In German.

Redei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Kallista. 1–7. Budapest: Akademiai Kiado, 1980–1988. 906 P. In German.

Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Universitätsverlag Carl Winter. 1958. 2890 s. In German.

Witsen N. Noord en oost Tartarye. Amsterdam, 1962. 660 s. In Dutch.

Received 20.09.2019

Belenov Nikolai Valer'evich,
Candidate of Pedagogy
Samara State University of Social Sciences and Education
Maksima Gor'kogo st., 65/67, Samara, Russia, 443099
E-mail: belenov82@gmail.com